

C.3.

Критические наброски.

Чайка.

Комедия в 4 действиях, Чехов.

Продолжение.

Если мы признаем за Чайкой Чехова выдающееся значение в истории русского драматического творчества, то к сожалению должны сказать, что по своему содержанию «Чайка» не выдвигается из ряда былые для нашего времени очерки Чехова.

Главная сила таланта Чехова заключается в наблюдательности и ее непосредственности и свободе.

Мы все книжные люди. Книга нас воспитала, прищипнула нашу логику, сформировала наши убеждения, но книга же нас и затмила, обезличила, пригласила нашу наблюдательность.

Мы привыкли жить в мире печатной бушты, смотреть на мир отраженный в книге. Книга так ослепила нас, что мы проходим мимо самых ярких явлений жизни и природы даже не удостоившись их взглядов. Напротив чуждое новое сочетание даже старых идей в книге сейчас же привлекает наше внимание. Нищий на помосте для нас ближе, чем нищий на тротуаре.

Общий порок века сказался и на литературе. Она также страдает отраженностью творчества. Ученый изучает не явление, а явление людей о явлениях. Художник, артист, адвокат изучают не жизнь, а способ ее выражения в книге. Большинство писателей даже талантливых, литературных произведений только «концы с перекопкой». Искусство с природы отсутствует.

Тем же пренебрегает талант Чехова, талант непосредственной наблюдательности. Он пишет его с перомсточника, черпает свои наблюдения непосредственно из жизни и природы...

Точка в точку Тригорин. Тригорин видит обаяние, похожее на роман — сейчас же отчеркивает свое наблюдение: встречает Машу похотливую табак — опять выливает карандаш. Но ни разу не пишет книгу Тригорина не получает отклика из какого бы то ни было сочинения.

Другая характерная особенность таланта Чехова, выходящая далеко за пределы драматического творчества — свобода наблюдений, отсутствие доктринерства.

Чехов обладает изумительной наблюдательностью. Зудерман так же. Но у обоих наблюдательность подгоняется к известной доктрине, которая, как глазница, впитывает художнику всевозможные истины жизни.

Жизнь тусклее, люди обезличиваются, превращаются в пошлых людей. Самый ранний образец обращения к натуралистическому развитию формулы, где люди играют роль жаворков.

Чехов схватывает жизнь легко и свободно. Если при этом он так же шипит как Тригорин, то читатель не замечает его усталости. Наблюдение выливается таким же свободным, как и быль жанровка, как трель соловья. Он интересуется всем, всем, а не только теми его сторонами, которые нужны для данной доктрины.

Женщины Чеховский наблюдательности, как бисер, разбросанный свободным движением руки писателя, и стрелы на миги и в миги радости.

Чехов не живет подчиненной доктриной. В этом его достоинство. Но художник должен обобщать, обобщать...

тогда доктрина сама собой выливается из похотливости художественного произведения. Одна из крупнейших заслуг бедности способности к синтезу, к обобщению.

Наблюдательность Чехова лишена обобщающего характера. Поэтому все время слышны оригинальные и яркие таланты. Чехов не создает ничего большого. Синтетической способности у него хватает на небольшой угодок картин, но подняться над мелочами жизни, взглянуть с той высоты, где все детали, но выступают главные течения, подметить более общие черты, лежащие за пределами мелочности, часто случайно сложившихся явлений, взять краски типичными для времени и поколения — Чехову бездельно.

Чехов — крупный талант из великих.

Чехов был широкий круг, он старается захватить, тем самым становится общим партия. Детали жизни — целое творчество.

Чехов творит прекрасно, потому Чехов не создает ничего своего времени, какой был царь, Туркениц. Это искусство не то, что он не совсем настроенно рождается быть полнотой бытия. Он прекрасно пишет будни и суровые с его бедными героями, без призраков, героев, слиявшихся на великую высоту, который все возмечет и ничего не возмечет, божественный и свободный первичный и божественный. Он чувствует, что окружен своим величием, своей жизнью — в то же время он отказывается принимать из его разности великого настроения в жизни. Все типично, прино, но не обобщено, не сложено, ничего в пошлом, пропадающем у Чехова. Нет произведения Чехова выходящее только из печати, обращая на себя всеобщее внимание, но ни одно не сделало обобщения в литературе, особенно времени, как Обломов, Рудин, «Война и мир».

«Мило, талантливо, но Туркениц не сажу лучше».

«Чайка» не представляется исключением. Чехов рождается из той божественно-первичного настроения, «Война и мир» широта схвачены прино, но не обобщены божественность его героизма — наша божественность.

(Продолжение следует)